

Энни
ДАЙВЕР

1A

Продлёнка
ДЛЯ МАЙОРА

Энни Дайвер

Продленка для майора

<https://litres.ru/74207032>

Аннотация

— Что это? — пялюсь на связку ключей, которые майор вкладывает мне в руку. — От моего дома. Адрес ты знаешь, — спокойно заявляет Авдеев, счастливо улыбаясь. — Мирон Витальевич, — намеренно перехожу на официоз. — Я учитель вашей дочери! — А еще ты женщина, молодая и красивая. И я тебя хочу. *** Что делать чопорной училке, когда ей оказывает знаки внимания одинокий отец ученицы? Конечно, слать его куда подальше. Потому что у учителей не может быть личной жизни, все — только на благо детей и общества. И никаких фотографий в купальнике и уж тем более слова из четырех букв, начинающегося и оканчивающегося на «с». Это для развращенных умов, а не для молодой женщины, гордо несущей звание педагога. Вот только кандидат на развращение попался особо настойчивый, да еще и из органов. Тех самых, которым лучше никогда не перечить. Книга участвует в литмобе "В тылу любви"

Содержание

Глава 1. Армагеддец	4
Глава 2. Училка по вызову	16
Глава 3. Ситуация SOS	20
Глава 4. Гости	37
Глава 5. Вино, кино, домино	47
Глава 6. Непостоянная женщина	55
Глава 7. Предварительная карма	66
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Глава 1. Армагеддец

— Пакуйте их, парни, — выдыхаю с облегчением и разминаю шею, когда в кармане звонит телефон.

Это не операция, а чехарда! Опергруппа застряла в пути из-за свалившегося на дорогу дерева. Горе-преступники, занимавшиеся изготовлением и сбытом запрещенных веществ, увидев нас, начали жрать все, что наварили, и чуть было не умотали на тот свет с криком «за употребление срок не предусмотрен!» Дебилы, мля.

Дальше случился бег по пересеченной местности, в котором я получил по лицу молоденькими ветками деревьев, хлеставшими более крапивы в детстве. А в финале погони я оказался в блевотине особо рьяного парнишки, который думал, что он несется со скоростью пантеры, когда в сущности не прошел и пары метров.

И броник меня совсем не спас.

— Авдеев слушает, — стягиваю с себя кофту и, не глядя в экран, принимаю вызов, бая в трубку.

Отхожу в сторону от группы. Двигаю к машине. Там есть бутылка с водой, чтобы хоть немного сбить вонь.

— Мирон, наконец-то! — капризно вздыхает в трубку бывшая жена. Только её для полного счастья не хватает. — Я уж думала, придется звонить твоей маме.

— Что ты хотела, Лина? — перехожу к делу, потому что

на вежливость нет ни времени, ни моральных сил.

— Ну я ведь просила так меня не называть! — тут же вспыхивает Ангелина, которая в последние годы ударилась в блогерство и духовные практики, в которых нужно дышать маткой, произносить с умным видом очевидные вещи и жить за счёт богатого папика.

— Ближе к делу, — поторапливаю бывшую супругу, глядя на наручные часы. Через час мне нужно быть в Управлении на совещании и докладывать, что операция прошла четко и по плану, а все преступники задержаны и ждут определения меры пресечения. — Что-то с Яной?

— И да, и нет, — чуть замявшись, отвечает Лина. Я тяжело сглатываю. По затылку стучит неприятное предчувствие. Ангелина никогда не звонит просто так: ей либо нужны деньги, потому что алиментов в очередной раз не хватило, либо с нашей дочерью случился армагеддец.

— Суть, Лина! — начинаю всерьез переживать. В прошлый раз Ангелина так звонила мне три месяца назад, когда Яна упала с качели и расшибла лоб. Малышке наложили швы, которые довольно быстро рассосались, но Ангелина уже собралась записывать Яну к пластическому хирургу, чтобы убрать следы безобразия.

— Я устала, Мирон, — она театрально вздыхает. — Я все время с Яной. Мне никуда не пойти, я не могу улететь на отдых и даже... Да я даже сексом заняться не могу ни с кем!

— И?..

Нутро чувствует подвох. На пятой точке в знак солидарности сжимаются булки.

— И я улетела в Тай. На пару месяцев. Мне нужно пожить для себя и понять, куда направить женскую энергию.

— Какой, нахер, Тай, Лина? Дочь где? — кричу так громко, что на меня оборачиваются парни. Машу им рукой, мол все в порядке, и опускаю ее на шею, разминая затекшие мышцы.

Масштабы задницы, в которой я оказываюсь, растут в геометрической прогрессии.

— В школе. У нее подготовительные до двух часов. Забери ее. Вещи я отправила тебе курьером. Там все, что может понадобиться.

— Я надеюсь, это запоздалая первоапрельская шутка, — зажимаю телефон между ухом и плечом. Открываю бутылку с водой и, щедро полив на руку, тру живот, смывая с себя дух приключений.

— Я серьезно, — обиженно брякает Лина, и в подтверждение ее слов я слышу приглашение на посадку, сливающееся с фоновым шумом.

Смотрю на часы. Почти двенадцать. Я никак не успею к двум в школу. Твою мать. Нахрена вообще придумали подготовку? В моем детстве такого не было, мы в первом классе учились ручку держать и до конца года писали закорючки в тетради. А тут вдруг решили собирать дань не только на шторы в актовом зале, но и на то, чтобы ребенок в принципе

дошел до первого класса. И если к первому вопросов нет, то со вторым... наслал бы проверку, если бы не знал, сколько получают учителя.

— Лина, ты же, блин, мать! Как ты могла бросить ребёнка?

— А ты отец! — возвращает мне тут же. — И Яна, в конце концов, твоя дочь тоже. Ничего страшного, если я пару месяцев побуду с ней в телефонном режиме. Тем более, тебя она любит больше.

— Ты же знаешь, что у меня работа, — сжимаю переносицу, тяжело вздыхая.

Мы обсуждали этот вопрос неоднократно. Я содержа дочь и выплачиваю энную сумму жене, а она занимается только воспитанием ребенка. И нет, я не отказываюсь от участия в жизни Яны. Она регулярно проводит у меня выходные и частенько остается среди недели, если у меня нет никаких срочняков по работе.

Но я не могу поставить службу на паузу. Мне, в конце концов, чуть больше пяти лет до пенсии осталось.

Хотя я был готов забрать Янку к себе, когда мы с её матерью разводились. Но суд был непреклонен, а Лине слишком нравились условия, и она настояла, что дочери стоит остаться с ней.

— А у меня жизнь! И я не хочу через десять лет очнуться и понять, что я все это время была только мамой.

— Разворачивайся. Немедленно! — отдаю приказ, кото-

рый, конечно, никто не собирается выполнять. — Ты не можешь бросить нашу дочь.

— Я не бросаю. Это небольшая пауза. Тем более дети должны сепарироваться от родителей. Я не семь. Уже пора начинать этот процесс.

В голове одни ругательства. Какая, к едрени фени, сепарация? В семь лет? У девочки? Да я вообще готов не сепарировать Яну от себя до её тридцати лет.

— Все, мне нужно идти. И помни, продленка до двух!

— Семен Петрович, век должен буду! — кричу на весь салон, выжимая педаль газа в пол. До города полтора часа езды. Пока мы провозились со сбором улик и отловом буйных преступников, прошло еще полчаса. Итого — я катастрофически опаздываю в школу и слишком очевидно нарушаю, хватая штрафы за превышение скорости.

— Под монастырь меня подводишь, Авдеев, — басит голос на весь салон. — Кто отчет предоставит?

— Возьмите Скромного. Он был со мной, все видел своими глазами. А рассказать... ну кто первый раз не волновался перед начальством и не болтал лишнего? — пролетаю поворот и тихо ругаюсь себе под нос. Кто вообще придумал эти микро-перекрестки, которые проезжаешь быстрее, чем успеваешь сообразить, где ты.

— Этот Скромный ни разу не скромный, — вздыхает полковник Данилов. Мы с ним давно и долго идем в одной ра-

бочей связке, он даже похлопотал над моим переводом, когда супруга после развода решила релоцироваться на юга, где климат поприятнее. — Его вообще нужно держать подальше от высшего руководства. Они таких на дух не переносят.

Усмехаюсь. Старлей Скромный пришел ко мне после академии. О том, что фамилия ему досталась не по апломбу, стало понятно на второй день. Мой тогда еще летеха отчихвостил подполковника по уставу вдоль и поперек, не поведа бровью. Тогда я понял, что мы сработаемся.

— Куда деваться? Либо он, либо никто, — пожимаю плечами, словно полкан меня видит. — В любом случае, все прошло стандартно. Опергруппа еще работает на месте, собирают улики, поэтому точные данные предоставить не сможем.

— Ладно, наврем красиво и выбьем себе премию.

— Мне бы отпуск, — вздыхаю с намеком. Этого зверя из шести букв я не видел последние года четыре.

— Премию. И один отгул. Вот когда сезон туристический закончится, и... граждане отдыхающие всю дрянь, которую привезли, увезут обратно, тогда и поговорим.

— Спасибо, товарищ полковник, — бодро отзываюсь в трубку, наконец объехав квартал. Впереди здание школы и пустующая парковка. Нам бы в Управление такую роскошь — там, если на минуту опоздал, считай, что парковаться будешь на соседней улице.

— Должен будешь, — буркает он в трубку и отключается.

Я занимаю ближайшее к воротам место и, бросив на себя взгляд в зеркало заднего вида, качаю головой. Майка, которую выдал мне Скромный, жмет в плечах и обтягивает торс. Выгляжу, как полупокеры, снимающие свой пресс на видео и выкладывающие это в соцсети. Но из арсенала у меня только кожаная куртка, лежащая в багажнике с мая месяца, и в таком комбо я буду похож на стриптизера. Или на дебила, расхаживающего по Сочи в конце августа в куртке.

Полуголым идти не вариант. Школа все-таки, тут детям доброе светлое несут.

Оттягиваю края майки и отпускаю. В отместку она подлетает еще выше, чем была.

Ладно, хер с ним. Мне всего лишь нужно забрать Янку и увезти домой. Там и разбираться никто не будет, время — конец лета, все на расслабоне.

Выхожу из машины и быстро иду к дверям. Навстречу мне пока никто не выходит, хотя время и близится к трем. Но мне, на удивление, еще не звонили — ни Яна, ни учитель. Хотя в последнюю я не особо верю, вряд ли у нее есть мой номер телефона. Лина не могла настолько обо всем позаботиться. Или... новые списки сообщений и парочка чатов за последние пару часов у меня появились, но я туда ни ногой, ни глазом. Проверяю. Действительно Первый А, общешкольный чат и... чат без учителя. И ладно бы меня пугало количество, я все равно не собираюсь их читать. Но везде указан мой личный номер, который доступен ограниченному кругу

лиц. И это, мать его, залет.

В школе все так же, как я и помню со своих учебных времен: на входе вахтерша, которой не нужно ничего, кроме чая с шоколадкой и кроссворда, внутри — стены, покрытые очередным слоем краски, запах которой витает в коридоре вместе с ароматом книг и детского пота.

Да уж, как будто вернулся на двадцать с лишним лет назад.

— Здравствуйте, — нависаю над столом вахтерши. Подняв голову, она внимательно смотрит на меня, роняя в чай сухарь и приоткрывая от удивления рот. Я, конечно, знал, что произвожу на женщин неизгладимое впечатление, но чтобы настолько... А я ведь даже не старался. — Не подскажите, где проходят занятия у будущего первого «А»? Я папа Яны Авдеевой, приехал забрать.

— Здра-а-авствуйте, — медленно тянет женщина, если меня не подводит зрение, Татьяна Васильевна. — А вот по коридору налево, а дальше прямо в четвертый кабинет, — она указывает мне направление рукой.

— Премного благодарен, — склоняю голову в знак вежливости и иду, куда послали.

Здесь шумно, дети бегают по коридору, возле окон несколько скучающих мамочек, которые тут же меня оценивают. Кто-то кривит губы, кто-то смотрит с удивлением. Третья, ахнув, вообще отворачивается, будто призрака увидела.

Танком пружиню вперед. Оказавшись у двери кабинета, заношу

руку, чтобы постучать и обозначить свое присутствие, как напарываюсь взглядом на соблазнительный зад, облаченный в юбку по фигуре, и едва не роняю челюсть на пол от открывшейся красоты.

Лица не видно, но девушка что-то старательно поднимает с пола. И я уже делаю шаг, намереваясь броситься на помощь, но торможу себя. Я в школе, а тут надо держать ухо востро, член — в лежачем положении, а яйца поджатыми, потому что со спины хрен разберешь, кто училка, на которую можно попускать слюни, а кто одиннадцатиклассница, выросшая раньше, чем стоило.

Прокашлявшись, делаю шаг в класс и стучу костяшками пальцев об косяк.

— Добрый день! Здесь проходят занятия у первоклашек?

Отвернув от меня нижние девяносто и продемонстрировав все прелести своих фигуристых песочных часов, прекрасная незнакомка поворачивается и указательным пальцем толкает к переносице очки в стильной черной оправе.

Обводит меня подозрительным взглядом и хмурится, словно пытаюсь вспомнить. Я же залипаю на пухлых нежно-розовых губах и аккуратном носике. Нет, она точно не училка, хотя юбка-карандаш и блузка прямо намекают на статус, но слишком молодое, не обремененное жизненными пиздецами лицо убеждает в обратном. Учителя так роскошно выглядеть не могут.

Девушка смотрит на пустой класс класс, на нескольких

партах лежат тетради и рюкзаки. Я тоже плююсь, ожидаемо не обнаруживая своей дочери. И успеваю мазнуть по аккуратной груди, которую красиво обтягивает тонкая ткань — не пошло, но оставляя простор для фантазии. И эти микро-пуговики... Я бы не торопясь их расстегивал. Одну за другой, обнажая бронзовую кожу.

— Здравствуйте, — наконец говорит приятным бархатым голосом, которым нужно книжки с эротическим содержанием озвучивать. У меня едва не падает челюсть. — Здесь. А вы, собственно, кто?

— Авдеев Мирон Витальевич. Мне сказали, я могу найти дочь в этом кабинете. А вы?

— Дина Сергеевна Евсеева, — уголки ее губ приподнимаются в улыбке. Училка, ну слава богу, а то я собирался было ругать себя за греховные мысли о верхних и нижних «девятино» девушки напротив. — Будущий классный руководитель вашей дочери. Она вышла в туалет буквально минуту назад. Ваша жена не сообщала, что дочь заберете вы. Могу я увидеть ваш паспорт?

А хорошенькая она! Мало того, что красивая, так еще и сообразительная. Кивнув, послушно достаю документы. Она открывает, смотрит на меня, на фотографию в паспорте. Хмурится. Да, там я еще двадцатилетний сопляк, и сравнить меня с настоящей версией практически невозможно. Она листает страницы дальше.

— Мы в разводе с матерью Яны, — отвечаю с усмешкой,

но почему-то позволяю молодой училке шарить по моему паспорту.

Дина Сергевна смотрит исподлобья, на лице у нее бегущей строкой выделяется просьба выйти и зайти нормально.

— Я ищу запись о детях, чтобы сверить, — отвечает, ни разу не смутившись. Мда, майор, ты что-то за полгода на голодном пайке навывек вести себя с женщинами порастерял. — А штамп на четырнадцатой странице сейчас ставить необязательно, — она внимательно изучает содержимое моих документов и, закрыв со вздохом, возвращает обратно.

Как пиздюк, которого повело от красивой новенькой в классе, будто бы случайно касаюсь ее ладони. Зачем? Даже себе объяснить не могу. Просто хочется. И приятно так от тепла и мягкости кожи. Конфета, а не училка.

— Можете подождать здесь или в коридоре. Ее парта на третьем ряду, вон там лежат вещи, — Дина Сергеевна меняется в лице, превращаясь в строгую училку. Член в штанах радостно подскакивает, словно мы угадали с сексуальной фантазией. Шумно втягиваю воздух. — Но на будущее — занятия у нас до двух. Сегодня вам повезло, меня предупреджали другие родители, и поэтому мы до сих пор здесь. Иначе я бы оставила её со школьным лагерем. Они до половины шестого, но только до двадцать седьмого августа, — произносит деловито. Вот как так? Ни одного плохого слова не сказала, а я уже чувствую себя дерьмовым отцом. Это что-то вшитое в училкинскую ДНК?

— Премного благодарен, Дина Сергеевна, — глотаю подростковую обиду и улыбаюсь, подавшись вперед. — Запишите мой номер на случай форс-мажоров. Яна некоторое время будет жить со мной. У меня ненормированный график, но я все компенсирую.

Глава 2. Училка по вызову

— Я вам что, няня по вызову? — шиплю недовольно и смотрю на этого наглого аборигена в майке на пару размеров меньше, чем нужно, и закипаю от злости.

Мало того, что опоздал на сорок минут, не предупредив, так еще и пялится, как... Нет, даже удав не смотрит на кролика с таким аппетитом, как на меня этот Авдеев. Неудивительно, что жена с ним развелась. Такой ни одной юбки не пропустит, а после родительского собрания наверняка выйдет из школы с коллекцией телефонных номеров.

Судить, конечно, нехорошо, но, когда бесят, немножко можно. Кладу зарядку, упавшую под стул, обратно на стол. Авдеев продолжает сверлить меня взглядом. Скоро пол слюной зальет, я потом все ноги переломаяю.

— Извините, — хмурится он, вдруг серьезнея. И взгляд сразу такой холодный становится, что мне не по себе. — Я неправильно расценил ваши слова. Но предложение актуально, — он вдруг приподнимает уголок губ в коварной усмешке.

Хамло! Тестостерон так и прет.

Так бы и бросила в него чем-нибудь. Например, подставкой со стикерами. Она пластиковая и тяжелая. Или... Или вот, хотя бы журналом пару раз ударила. Мне двадцать девять лет, через две с половиной недели тридцать, а я выслу-

шиваю какой-то пубертатный бред, вылетающий из этого детства с сединой на висках!

— Вам лучше подождать дочь в коридоре, — поворачиваюсь к нему спиной. Нет, так еще хуже, потому что уверена, его похотливый взгляд изучает мою задницу. На меня только перестали засматриваться старшеклассники, лелеющие фантазию влюбиться в училку, как теперь новая опасность — холостые папы моих учеников.

— А телефон? — настаивает нахал, подходя к моему столу. — У вас тут идеальный порядок.

Это все потому, что я дева. У меня дома все вычищено до блеска, тетрадки лежат одна к одной, а в шкафу все рассортировано по полочкам и ровненько свернуто, хоть линейкой проверь. И меня бесит бардак, который каждую перемену устраивают ученики. Поэтому я люблю лето и каникулы — тогда мою упорядоченную систему никто не стремится разрушить.

— Анархия не в моем стиле, — бросаю взгляд через плечо на горе-отца: волосы взъерошены, майка слишком коротка, а брюки... топорщатся в ненужных местах! Да что он вообще там думает?

— Анархия мать порядка, — глубокомысленно изрекает Авдеев, а я закатываю глаза. Такими революционными лозунгами грешит мой дедуля, но ему восемьдесят четыре, поэтому простительно. Что делать в этом случае...

Соберись, Дина Сергеевна, ты, в конце концов, препода-

ватель. И перед тобой не самый ужасный экземпляр родителя.

Вздыхнув, разворачиваюсь лицом к Авдееву. Как там его по батюшке?

— Мирон Витальевич, — начинаю вкрадчиво. Он тут же сосредотачивается на моих губах. Будто медом они ему намазаны! Я от такого неприкрытого внимания даже отвыкла. Точно тестостероновый самец. Шоумен какой-то, что ли? Ему подходит. Очень уж колоритен своей брюнетистостью и небесно-голубыми глазами. — Я не могу не выходить с вами на контакт, — слышу его усмешку и едва не кривлюсь от слишком очевидной мысли, которую не стоит даже озвучивать. — Поэтому, — взяв листок для заметок, быстро вывожу цифры своего номера и пишу инициалы, — возьмите мой номер, — вручаю бумажку, тут же убирая руку, когда он протягивает свою. — Но, пожалуйста, помните, что рабочих у меня всего тридцать шесть часов в неделю. И вас, кажется, добавили в чат, рекомендую просматривать его ежедневно. Я буду дублировать туда домашние задания и писать важную информацию.

А все потому, что нас обязали установить дурацкий новый мессенджер, в который нужно еще и родителей завлечь. И за прошлые два выпуска я поняла, что электронный журнал родители воспринимают исключительно как вместилище оценок, и никак иначе. Поэтому приходится поддерживать с ними связь, особенно в первом классе, когда активно

учатся и дети, и родители.

— Я понял, Дина Сергеевна. Не звонить, писать только в экстренных случаях и лучше в чат, — он кивает, почти как порядочный ученик. Но кажется, это точно выйдет мне боком, потому что Авдеев — совершенно непорядочный мужчина, судя по его провокационному виду и вопиющей наглости. — Мне лучше звонить, на звонки я отвечаю плохо, но если не отвечаю, поверьте, решается вопрос жизни и смерти. Перезвоню в свободную минуту, — он вдруг улыбается, просто и добродушно, сразу же преображаясь. Теперь Мирон Витальевич выглядит приветливо. — И, знаете, в выходные у меня тоже будут свободные минуты. Даже часы. Может, сходим на свидание?

Растерянно хлопаю глазами. Он и правда *мне* это предложил? Ненормальный!

Да его гнать отсюда нужно грязной тряпкой, которой я стираю мел с доски! Что он о себе возомнил? «Вы привлекательны. Я чертовски привлекателен. Чего время терять?» Так он, что ли, думает? Неандерталец!

— Да вы...

— Папа! Папа! Ты приехал за мной? — раздается за его спиной звонкий голос Яны, и я прикусываю язык, сдерживая все оскорбления, рвущиеся наружу.

Глава 3. Ситуация SOS

В конце августа органам правопорядка покой только снится. Потому что каждый год происходит одно и то же — повышенные меры безопасности, бесконечные угрозы о минировании школ и детских садов. Мы только и успеваем отрабатывать наводки. Все приходится делать тихо, чтобы не поднимать панику среди населения. Но если с людьми все в порядке, то как договориться с самим собой?

Еще год назад меня не волновали эти вопросы. Яна ходила в частный детский сад, там система безопасности на уровне мэрии, поэтому я не переживал. А в государственной школе? Туда любой может войти, если угадает с шоколадкой, которую любит вахтерша. И я, как ненормальный батя, каждое утро мониторию наши внутренние новости и активно слежу за сводкой в течение дня.

Даже сейчас, во время планерки, я вспоминаю районы, соседствующие со школой дочери. Паника подкатывает к горлу всякий раз, когда что-то происходит рядом. Место, там тихое, насколько это вообще возможно для главного города-курорта, да и сама школа с определенными взносами и привилегиями. Всех подряд туда не берут, хотя я пока не знаю, что хуже.

Родительский чат снова взрывается десятком сообщений, я не успеваю их читать, там постоянный галдеж, будто им

больше заняться нечем, кроме как обсуждать гардероб нашего классного руководителя и цвет штор в кабинете. Такое ощущение, что работаю из тридцати с лишним человек я один.

«Вы видели вообще эти шорты?» — заглядываю в чат одним глазком. Дина Сергеевна там главная звезда обсуждений. И мне как-то не по себе становится.

«Я, конечно, все понимаю — лето, официально работа еще не началась, но учитель должен выглядеть авторитетно, а не... не так!»

Внутри зреет протест. Учителя и без того прав не имеют ни на что, а тут обвинения в чересчур откровенном наряде. Мне даже интересно становится, что там за шорты такие. Любопытство так и подмывает войти в класс и как бы невзначай осмотреть хорошенькую училку с головы до ног. Надо только предлог особо важный придумать. Спросить про первое сентября, которое уже на носу? Глупо, конечно, перед завтрашним собранием, но я уже позвал ее на свидание, поэтому хуже точно быть не может.

Дина Сергеевна, к слову, ушла от ответа, потому что нас отвлекла Яна, а дальше... Дальше мы отправились домой, а училка только улыбнулась нам вслед. Уверен, даже выдохнула с облегчением, когда мы скрылись в коридоре.

— Авдеев, ты сейчас собираешься и едешь в аэропорт с группой, проводишь инструктаж на месте.

— Сегодня? — я отрываю взгляд от телефона, который

прятал под столом. Мне никак нельзя сейчас ехать куда-то, кроме школы. Я уже минуты считаю до того, как рвану за Янкой. Да и я ей сегодня парк обещал, пятница же, надо поощрить ребенка, прежде чем на выходные сдать в заботливые руки бабушки и деда.

— Можешь лететь пулей, не дожидаясь окончания совещания. Завтра прилетает сами знаете кто, — генерал показывает большим пальцем себе за спину, там портрет президента висит. По кабинету проносится усталый вздох. Конечно, мы все горячо поддерживаем аппарат власти, но как родственников, которые чем дальше, тем любимее. И подобные визиты высокопоставленных лиц обычно сулят новым геморроем и отсутствием сна.

— Так я... — не успеваю сказать, что вообще-то официально отпросился, как под столом мою ногу толкает Данилов. Семен Петрович иногда смотрит ну очень выразительно, вот как сейчас. Ясно, нахер мой выходной. — Так точно, — киваю и отодвигаю стул. Может, получится успеть закинуть Яну к маме, если выеду прямо сейчас. И если моя мать окажется дома, а не где-то с подружками. Удивительная женщина — стоило выйти на пенсию, как к ней пришла вторая молодость, и из нас двоих я чувствую себя брызжащим стариком.

Стационарный телефон Маслова раздражается трелью на весь кабинет. Мы все напряженно переглядываемся. Генерал поднимает трубку и внимательно слушает. Атмосфера в ком-

нате моментально меняется. Уж чего-чего, а жопной чуйки у фэсовцев не отнять.

— В аэропорту задержали троих мужчин, они пытались ввезти оружие, — холодным тоном заявляет Маслов. Пиздец, только ОПГ нам не хватало. — Авдеев, ты почему еще здесь?

— Уже ушел, — выхожу из кабинета и спешу к машине. Попутно звоню Скромному и делегирую часть обязанностей. Удобно, что он всегда на подхвате. Похлопотать пора над его повышением.

Сажусь в машину, расстегиваю пуговицы на пиджаке. Набираю маму. Она отвечает не сразу, только со второго звонка.

— Мамуль, привет, — говорю спокойно. Мама — лучший в мире полиграф, который распознает малейшие изменения моей интонации.

— Ой, Мироша, у тебя что-то срочное? — слышу какой-то звук на фоне и хмурюсь. Выезжаю с парковки, втапливаю педаль газа в пол. Мне нужно добраться как можно быстрее. Опергруппа уже едет, их отправили чуть раньше, поэтому я мчу на своей. Да и проще это, кто бы что ни говорил.

— Хотел Яну к вам сегодня привезти. Ты не дома?

— Мы с папой в Абхазии, записались на двухдневный тур, приедем домой только к часу ночи, сынок.

— Понял. Ладно, мамуль, хорошего отдыха. Не отвлекаю.

В голове одни маты. Делать-то что? Ситуация SOS. Возможно, конечно, попросить кого-то из приятелей. Есть у меня хорошие и давние друзья в МЧС, готовые прийти на помощь не только в моменты ЧП, но и в рядовых ситуациях. Вот только Яна их почти не знает, для нее это все равно, что остаться с незнакомцем.

Я приближаюсь к выезду из города, на обдумывание и решение проблемы остается все меньше времени — в любой момент может пропасть связь. Поэтому я делаю то, на что никогда бы не решился в обычное время — набираю номер училки и надеюсь, что она не пошлет меня на все веселые буквы, если все-таки возьмет трубку.

Выхожу в зону для курения и подкуриваю сигарету, сразу же затягиваясь глубоко. День — пиздень, иначе и не скажешь. Шестичасовой допрос, обыск, отложенные вылеты, суесящиеся люди, нервный персонал. Все это действовало на мозг каждую гребаную секунду. Никотин сразу дает в голову, принося блаженное расслабление. Наверное, поэтому все менты курят — иначе эти трудовые будни не вывезти.

На улицу уже опустилась ночь, густая и черная. Сейчас бы завалиться в кровать и беззаботно отключиться до утра, но мне еще час ехать до управления и сдавать оружие, а только оттуда домой.

Впервые за несколько часов беру в руки телефон, не до него было. Я отключил к чертям звук и работал, а теперь

возвращаюсь в реальность. На часах — половина десятого, на телефоне пара пропущенных вызовов и одно робкое сообщение, от которого меня бросает в холодный пот:

«Мирон Витальевич, это Дина Сергеевна. Мы с вашей дочерью уехали ко мне домой. Мать Яны на звонки не отвечает, вы — тоже. Надеюсь, у вас все в порядке».

Твою же за ногу! В этой суматохе я успел забыть, что дочь теперь живет со мной и что я попросил училку присмотреть за ней пару часов. Евсеева, конечно, упиралась, когда мы общались по телефону. Говорила, что это непедагогично и что я, как родитель, должен нести ответственность, а не перекладывать ее на плечи других взрослых, так или иначе участвующих в жизни ребенка.

Мне оставалось только соглашаться и без конца говорить, что она права. А еще продолжать упрашивать. В итоге Дина Сергеевна великодушно дала мне три часа на решение всех проблем, и я, конечно же, в них не уложился.

Докурив сигарету в две затяжки, мчу на парковку, попутно набирая дежурному и сообщая, что табельное я сегодня не сдам. Иначе дочери придется ночевать неизвестно где.

Ладно, с неизвестно где я, конечно, перегнул. Хотя не могу сказать, что в курсе условий, в которых проживает Дина Сергеевна. Может, у нее там семеро по лавкам или престарелые родственники на попечении. Отметать ни один из вариантов нельзя.

Пишу ответное сообщение, что скоро буду, решаясь вы-

слушать воспитательную тираду лично, а не по телефону. Грудь распирает от давящего чувства вины. Что я за батя такой, раз забыл о дочери? Еще даже учебный год не начался, а я уже по всем фронтам облажался.

Заворачиваю в карман перед кофейней. Какое-то очередное мажорское заведение, в котором тридцать миллилитров эспresso стоят как упаковка молотого кофе, но я тут, собственно, и не ради него. А ради упаковки десертов, которую собирают прямо при мне. Остается только называть пальцы и тыкать имена. Это в качестве извинений для Дины Сергеевны. Можно, конечно, было прикупить букет, и я, признаться, с самого начала об этом и думал, но цветы — это жест с явным подтекстом и романтическим интересом. Мы же... такую грань пока не переходили, а провоцировать училку я не хочу. Ее, наоборот, нужно расслаблять, а не злить.

У ее дома вся парковка забита, поэтому приходится останавливаться черт знает где. На часах почти одиннадцать, и я на пару секунд утыкаюсь лбом в руль, переводя дыхание. Желудок требовательно урчит, потому что с завтрака в нем не было ничего, кроме кофе. И меня снова прижимает одиночеством, потому что сейчас я заберу Янку и вернусь в пустой дом, где меня никто не ждет со свежеприготовленным ужином и не встречает полусонной улыбкой.

Это чувство накатывает редко, но с каждым годом оно все продолжительнее и болезненнее, будто к старости лет я становлюсь жутко сентиментальным.

Не давая себе раскиснуть, выхожу из машины и, взяв крафтовый пакет со сладостями иду в подъезд. Поднимаюсь на четвертый этаж, там меня уже встречает приоткрытая дверь.

На лестничной площадке пахнет жареной курицей и шарлоткой — любимый Янкин рацион. Но в квартире училки таких запахов нет, и я даже немного расстраиваюсь. Я замираю на коврике в прихожей, напарываясь на хмурый взгляд Дины Сергеевны.

— Виноват, не отрицаю, — начинаю сразу же, хмуро осматривая скромную квартирку с ободранными обоями и оторванными дверными наличниками. Евсеева неловко переступает с ноги на ногу, будто стыдится, но быстро берет себя в руки. — Это вам.

— Не стоило, Мирон Витальевич, — хоть и отказывается, но пакет все-таки переключивает к ней. Дина Сергеевна заглядывает внутрь и сдержанно улыбается. — Спасибо, — сухо благодарит, а мне от ее тона хочется попросить стакан водички, потому что в горле стремительно пересыхает. — Яна уснула за мультиками, — она кивает на комнату, из которой доносится пение Моаны, а я сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза, потому что за неделю я посмотрел этот мультик уже трижды. — Мы были в школе до четырех, а после пошли ко мне.

— Дина Сергеевна, я благодарен вам. И мне не нужен отчет, — произношу как можно мягче, но она не обращает

внимания на мои слова, продолжая рассказывать.

— Я накормила ее курицей и пюре, а потом мы вместе пекли шарлотку, — я расплываюсь в глупой улыбке, представляя, как они вдвоем возились на кухне. Идиллическая картина накладывается на тоскливые дрожжи, одолевавшие меня в машине. И все так удачно складывается, что я делаю шаг вперед, намереваясь порывисто обнять училку. Потому что хочется. И потому что могу. Но ее глаза испуганно округляются, а сама она отступает назад и выставляет руки перед собой, явно защищаясь. — У вас что, с собой пистолет?

В целом реакция у училки верная, не подкопаешься. Все адекватные приличные люди так и реагируют — глаза округлившиеся, рот — буквой «о», а тело — напряженное. Дина Сергеевна продолжает пятиться. Я — наступаю и тяну к ней руки. Зачем — без понятия: может, пытаюсь таким образом показать, что я не опасен и не собираюсь нападать. А может, очень сильно хочу напасть на ее аппетитную грудь, мелькающую в вырезе домашней рубашки.

К голоду добавляется еще и жажда обладать этой женщиной.

— Без паники, Дина Сергеевна, — сняв туфли, прохожу по коридору. — Это табельное, я не маньяк и не убийца.

— Т-табельное? — она почему-то округляет глаза еще больше и прижимает одну ладонь к груди. Дыхание становится поверхностным и слишком частым. Пиздец, приплыли. Панички мне только не хватало на ночь глядя. Я не особо

спец по этим делам, знаю все только в теории. Что там нужно? Дышать по квадрату? Вдох-задержка дыхания-выдох-задержка.

— Вы в порядке? — прикрываю краем пиджака кобуру и делаю шаг назад, согнувшись в три погибели. Так надо. Люди в приступе паники боятся тех, кто выше них.

— Да, — она прикрывает глаза на несколько секунд и делает глубокий вдох. Ее грудная клетка больше не ходит ходуном, Дина Сергевна успокаивается и с медленно приходит в себя. — Вы из органов?

— Так точно, — киваю и улыбаюсь ей так приветливо, как только могу. — У вас был неприятный опыт с полицией?

Она опускает взгляд в пол и поджимает красивые губы. Сжимает кулаки и тут же их разжимает, принимаясь разглаживать невидимые складки на рубашке.

— Можно и так сказать, — неопределенно ведет плечом. Обводит взглядом коридоры.

И следую за печальными глазами, тоже испытывая какую-то ненормальную тоску. Стены без обоев, конечно, выглядят жутковато. Странно она решила ремонт начинать, не убрав ни комоды, ни вешалки из прихожей. Как будто сняла обои и передумала в процессе.

Но... что-то упрямо не бьется. Как будто есть за всем этим другая история. Вряд ли бы Евсеева, которая на работе выглядит идеально, дома с искренним удовольствием живет... вот в этом.

— Делаете ремонт?

— Не хотите чаю? — говорим мы одновременно. — С шарлоткой, разумеется, — добавляет Дина Сергеевна, неожиданно очаровательно мне улыбаясь. Лицо ее преображается, глаза блестят, а на щеке появляется милейшая ямочка. Приходится сдерживаться, чтобы не протянуть к ней свою заgreбущую лапищу.

— Если честно, я бы и от курицы с пюре не отказался, — совсем уж борзею. Надо было все-таки ей цветы купить, пусть и с подтекстом. Зато все сразу бы стало понятно. А то я как неблагополучный отец — ем где накроют, ребенка оставляю, где примут, а сам шляюсь где попало.

— Вы со мной не рассчитаетесь, — училка качает головой и весело хмыкает. Развернувшись, идет на кухню, плавно покачивая бедрами. Уж не знаю, специально это делает или так выходит само, но эффект производится феноменальный: я роняю слюни и не могу оторвать взгляда от шикарных булочек. Такие нужно мять, шлепать и поощрительно гладить.

— Готов к самому завышенному прайсу. Могу даже содействовать в ремонте.

— Я дотошный заказчик. Одумайтесь, — бросает угрозу, стреляя в меня взглядом через плечо. Уголки пухлых губ приподнимаются в лукавой улыбке. Лиса!

— А я ну очень старательный работник, — хмыкаю, вкладывая во фразу все очевидные и не очень намеки. — Используйте, пока есть возможность, — нагоняю ее в дверях кух-

ни с такой бодростью, будто не клевал носом за рулем, пока ехал по ночной трассе.

— Это разовая акция, Мирон Витальевич. Учтите, — произносит Евсеева по-училкински строго. — Располагайтесь. Руки можете помыть здесь в раковине.

Дина Сергеевна принимается хозяйничать, и последние остатки здравого смысла покидают мое тело, оставляя пубертатного подростка и неотесанного мужлана без должного контроля. Удивительная женщина, не иначе. В школе на нее не то что смотреть, думать не в ту сторону страшно. А дома... ее нужно раздевать и залюбливать всю ночь напролет. Или вот как сейчас, у холодильника. Или на столе, как главное блюдо.

Твою же мать!

Совсем мозги теряю и начинаю думать головкой, игнорируя голову. Но Дина вся такая уютная и домашняя, что мне тоже хочется стать частью этой атмосферы, потому что в сущности не так уж и много нам, людям, надо: чтобы родители жили как можно дольше, чтобы дети росли здоровыми и чтобы рядом был человек, с которым хочется разделить счастье жизни.

Тряхнув головой, выбиваю из нее романтические бредни, потому что моя работа не предполагает личного счастья. И то, что сейчас мне достанется его крупница, уже слишком много.

— Составите компанию? — спрашиваю, когда Дина вы-

ставляет передо мной одну тарелку и пододвигает салат из помидоров и огурцов.

— Я так поздно не ем. А вам приятного аппетита.

Она хочет сказать что-то еще, но в дверь тарабанят, причем так агрессивно, будто собираются сорвать ее с петель. Дина Сергевна тут же подскакивает со стула, смотрит испуганно то на меня, то на дверь.

— Сидите тихо, — командует мне и, застегнув пуговицы на рубашке до самого горла, идет открывать.

Сидеть и не отсвечивать, конечно, никто не собирается. Вернув курицу в тарелку, я вытираю пальцы салфеткой и, поднявшись, крадучись спешу за училкой. Она перевязывает волосы, распуская милый и немного растрепанный пучок — завязывает низкий хвост и приглаживает прядки у лба.

— Дина!.. Сергеевна, — окликаю ее, и она останавливается так резко, что я едва не влетаю в ее тоненький силуэт.

— Я ведь просила, — шипит на меня разъяренной кошкой.

В дверь снова стучат. На этот раз еще агрессивнее. И, похоже, даже ногами. Я заглядываю в комнату, где Янка под мультик дрыхнет без задних ног. Ладно, это к лучшему.

— Открывай давай! Я знаю, что ты дома! — доносится из-за двери приглушенный крик. Мужик, судя по поведению, не в адеквате. А по белому, как мел, лицу училки, становится понятно, что такие фокусы происходят не в первый раз.

— Обижает? — спрашиваю тихо, кивая на дверь.

Дина только поджимает губы и рвано выдыхает. Часто моргает и, качнув головой, обходит меня, продолжая идти к двери.

— Это не ваше дело, — бросает шепотом, и столько разочарования в ее голосе, что мне вмиг становится горько, как будто я редьку проглотил.

Но одно я знаю наверняка — женщину в таком состоянии нужно спасать срочно и игнорируя возражения. А если вдобавок ко всему эта женщина красивая училка, запавшая прямо в душу, то дверь нужно открывать не ей.

Коснувшись тоненького плеча, останавливаю Дину Сергеевну. Она оборачивается испуганно, словно перед ней привидение.

— А если хочу, чтобы было мое? — плавно скольжу по плечу, осторожно его обхватывая. Пальцы горят под бархатом кожи, и так и тянет забраться дальше, вытащить училку из рубашки и вдоволь наглядеться.

— От этого, как правило, еще больше проблем, — устало выдыхает Евсеева. — Я справлюсь, только не мешайте мне.

Дина Сергеевна так же осторожно, как я ее трогал, убирает мою ладонь и приподнимает уголки губ в усталой улыбке. Она медленно поворачивает замок и делает глубокий вдох, будто к битве готовится. Второй оборот — и дверь откроется. С той стороны кто-то уже порывисто дергает ручку.

Вряд ли ее ждет приятный разговор. Вот только с кем?

Родственник какой-то?

Догадка озаряет внезапно. Она испугалась моего оружия, а потом странно отреагировала на тот факт, что я работаю в органах правопорядка. А такое может быть только в одном случае — когда превышаются полномочия.

На самом деле, это частая практика. Когда долгое время идешь бок о бок с буквой закона, успеваешь узнать не только все правила их соблюдения, но и лазейки. И, конечно, тот факт, что в нашей стране строгость законов нивелируется необязательностью их исполнения, играет здесь весомую роль.

— Это тот самый «неприятный опыт»? — стреляю вопросом ей в спину. Лопатки напрягаются, а сама она замирает. Пальцы дрожат над замком, когда я подхожу ближе.

Мне не нужен ответ, чтобы сложить два и два и получить очевидное решение.

Дина молчит. Я мягко беру ее за плечи и отвожу в сторону. Она не сопротивляется и даже как-то обмякает в моих руках, словно и вправду расслабилась, но я прекрасно знаю, что это обреченность и бессилие.

— Семен работает в полиции, — Дина Сергеевна поджигает губы и отводит в сторону взгляд.

— Звание?

— Капитан, — тихо шелестит голос.

В дверь снова тарабанят. Дина подпрыгивает от страха.

— Ты забыла, как замок поворачивать? — рявкает голос

с лестничной площадки.

Капитан, блядь. Только в люди из летехи выбился, и уже власть почувствовал. Частая ситуация, к слову. Стоит только неподготовленным людям дать чуть больше власти, как наружу лезет все дерьмо. И в наших структурах это, к сожалению, происходит с высокой регулярностью. Таких капитанов я за последние десять лет как семечки перещелкал, поэтому даже через стенку живо представляю, что там за экземпляр: небритый, нетрезвый и без яиц, раз может притеснять только тех, кто физически слабее.

Перевожу взгляд за ее спину. Училка хватает меня за плечи и испуганно качает головой, как болванчик в машине, работающий слева-направо.

Кисло.

— Не наживайте себе проблем, пожалуйста. Я в состоянии разобраться, — шепчет надрывно. И выглядит при этом не как уверенная в себе женщина, которой я увидел ее в первую нашу встречу, а как самка в дикой природе, измотанная и уставшая, готовая ценой жизни защитить потомство.

— Я по-вашему совсем мудака — девочек на амбразуру кидать? — выразительно приподнимаю бровь. Щеки училки расцветают румянцем, от которого мне моментально становится хорошо. — Обещайте содействовать, Дина Сергеевна, — подмигиваю ей.

— Я... постараюсь, — она отвечает мне легкой улыбкой. И вот я уже готов совершать подвиги и ломать целый лес

даже без «сосну».

— Вот и славненько, — кивнув, обхожу училку и открываю дверь.

Глава 4. Гости

Я уже тысячу раз успела пожалеть, что в двадцать один сказала Семену «да» в ЗАГСе. Я только-только закончила университет, уверенно смотрела вперед и была готова к лучшей жизни на двести процентов. С Семой мы познакомились в клубе — все было до ужаса банально и, как мне тогда казалось, романтично. Я дала ему от ворот поворот в первый вечер знакомства, а он потом меня добивался, не оставляя шанса ответить отказом. Мне казалось, что так и должно быть — если мужчине легко достается женщина, то это значит, что можно дальше не стараться. Не дарить цветов, не водить на свидания и не говорить комплименты.

После свадьбы мы с Семеном словно поставили галочку напротив выполненного пункта. Создать ячейку общества — готово. И вплотную занялись своими карьерами. Мне дали первых учеников, Сема продвигался по службе, и на четыре года мы забыли о том, что семья — это не просто люди, спящие в одной кровати и соседствующие в одной квартире. Понимание, что что-то не так, пришло только на пятом году, когда у нас обоих все устаканилось. И тогда мы стали пытаться создать счастливое семейство. Вот только страсть, которой мы были одержимы в начале отношений, сошла на нет, и на поверку мы оказались несовместимыми.

Я поняла это два года назад, но Семен упорно убеждал ме-

ня, что все у нас в порядке и что мы обычная семья, переживающая сложный период. С каждым днем становилось только хуже — я сидела на работе до последнего, Сема проводил вечера перед телевизором с банкой пива в руках. Оказывается, безразличие способно разрушить семью до основания.

А потом поговорка «вы узнаете друг друга по-настоящему, когда будете расставаться» заиграла всеми цветами радуги. Мы ругались, Семен бросал вещи с балкона, ломал технику, потому что «я купил». Апогеем стали обои, которые он содрал со всех стен в квартире. И разбитая плитка в ванной.

Он действительно забрал и сломал все, где был вложен хотя бы его рубль. Зачем явился сегодня — я не знаю. Разве что скрутить смеситель на кухне, потому что он ставил его два года назад.

И так стыдно перед Авдеевым. Он отец моей ученицы, что обо мне подумает? У нас приличная школа, туда берут не всех учеников и далеко не всех учителей. Я до сих пор боюсь, что перед началом учебного года мне скажут, что трудовые отношения между нами закончены. А после такого и подавно.

Но за рефлексией я не замечаю, как Мирон Витальевич выходит в подъезд. И, конечно, мне хочется рвануть за ним.

— Ты вообще кто такой? — слышу голос Семена. Он даже не пытается вести себя тихо. На меня скоро соседи жаловаться начнут за шум после одиннадцати.

— Майор Авдеев, и если хочешь служить дальше, лучше

тебе меня не пробивать, — спокойно заявляет папа Яны.

— Фэйс, что ли? — спрашивает Сема, но в ответ лишь воцаряется тишина.

Господи, это катастрофа. Я, конечно, знала, что клин вышибают клином, но что этот самый «клин» будет примерно в два раза больше... я дар речи теряю. Живот сводит, как всегда в моменты, когда я жутко волнуюсь.

Нужно срочно успокоиться. Делаю глубокий вдох. Авдеев ничего не подтвердил, а значит, принимать домыслы Семы за чистую монету я не стану.

— Вот сука Динка, — остальную ругань в свой адрес разобрать не могу. Мирон Витальевич тоже что-то говорит, но я не слышу. — Еще не развелась, а уже ноги раздвинула перед другим. Не староват ты для нее, майор? Ее пока до оргазма доведешь, сердце отказать может.

— Ты за это не переживай. Тебя взъебать сил и выносливости хватит. Пойдем-ка туда, где эхо поменьше.

Шаги удаляются, и я прилипаю к дверному глазку, ища мужчин. Они и правда спускаются по лестнице. Боже-боже-боже. Мне уже пора вызывать полицию? Или им здесь делать нечего, потому что своих не арестовывают?

Закрываю лицо руками, указательными пальцами давлю на виски. Думай, Дина, думай.

— Дина Сергеевна, вы где? — слышу из гостиной сонный голос Яны.

Ну как же все не вовремя! Теперь даже в окно не выгля-

нуть и не подсмотреть, вышли ли на улицу мужчины. Что они вообще собираются делать? И не пора ли бежать с аптечкой наперевес их разнимать?

— Я здесь, солнышко, — отзываюсь дрожащим голосом.
— Иду к тебе.

Несколько раз ущипнув себя за щеки, вхожу в комнату. Яна сонно трет глаза кулачком, а второй рукой шарит по дивану в поисках пульта. Помогаю ей и сажусь рядом. Для детей и родителей первый класс — это определенный этап взросления. Для учителей начальных классов первоклассники — это маленькие напуганные дети, которых хочется попросту обнять и не загружать их дополнительными знаниями, особенно в реактивном режиме, предусмотренном современными образовательными стандартами.

— Что случилось, Ян? — обнимаю ее за плечики и придвигаю к своему боку. Яна доверчиво льнет ко мне и даже расслабляется. Мое сердце сжимается, а затем отдается нереализованной материнской болью.

Потому что я рада, что мы с Семеном не успели зачать и родить ребенка, иначе оказались бы связанными на всю жизнь. Но при этом я грущу на пороге тридцатилетия, что не состоялась как мать. И у меня даже кандидатов на примете нет. Точнее, после бракоразводного процесса продолжительностью в почти год я избегаю всяких кандидатов, не давая им и шанса.

И одинокие отцы, к слову, в этом вопросе самые активные.

— Папа не приехал? — Яна печально вздыхает и обнимает меня. Чувствую, как дрожат ее плечики. Только слез на ночь глядя нам не хватало.

— Приехал, солнышко. Но ему позвонили, и он вышел поговорить, чтобы тебя не разбудить, — улыбаюсь, приглаживая ее волосы. — Я предложила ему попробовать нашу шарлотку, и он согласился.

— Правда?

— Конечно, — киваю и улыбаюсь, глядя в темно-синие глаза, искрящиеся надеждой. — Хочешь, сделаю тебе чай?

— Нет, — Яна качает головой. — Разбудите меня, когда папа вернется. Обязательно, ладно? — она трет лицо и зевает. Отлепившись от моего бока, снова устраивается на подушке. — Я поеду с ним домой.

— Разумеется, Яна. Разбужу. Отдыхай, — накрываю ее пледом и, дождавшись, когда она снова уснет, выхожу из комнаты, прикрывая за собой дверь.

Возвращаюсь на кухню, еда уже остыла. Нужно подогреть, когда Мирон Витальевич вернется. Если он, конечно, не решит, что мои проблемы стоят гораздо дороже обычного ужина.

Какой ужас! До сих пор стыдно, что незнакомый взрослый мужчина решает мои проблемы. И что мне еще четыре года видеть его на собраниях и линейках. Столько лет позориться

не каждый выдержит.

Ну где же он? Подхожу к окну, надеясь, что они с другой стороны дома. Там темнота, хоть глаз выколи — только поодаль виднеются соседние дома с редким светом в окнах. Двадцать минут двенадцатого, куда можно было так надолго запропасться?

Или они там срослись мужской солидарностью и сейчас вместе придут кран выкручивать?

Надеюсь, что нет. Потому что в противном случае мне стоит бежать уже сейчас, причем не оглядываясь.

Слышу звонок в домофон и спешу в прихожую. Отвечаю быстро, надеясь, что Яна не проснется снова. Если там не Мирон Витальевич, я не смогу придумать убедительную ложь. Скорее, расплачусь рядом со своей ученицей и начну жаловаться на непростую судьбу.

— Открывайте, Дина Сергеевна. Свои.

— Свои? — переспрашиваю. Ну все, они точно подружались! Мне конец. Уже можно в панике кружить по комнате и кричать «мы все умрем»?

— Это Авдеев, — поясняет Мирон Витальевич и добавляет для большего успокоения: — Я один.

Жму кнопку открывания двери и выдыхаю с облегчением, приваливаясь к стене. Сердце замедляет бег, вот только ненадолго, потому что я активно начинаю думать о том, что произошло. Они подрались? Или устроили дуэль, демонстрируя друг другу корочки и выясняя, кто круче. Конечно,

майор побеждает по всем фронтам: Авдеев неприлично хорошо сложен, умен и рассудителен. Выигрывает Сему с бешеным отрывом.

Распахиваю входную дверь, когда слышу, как открывается лифт на этаже. Мирон Витальевич появляется на площадке сразу же. Зачем-то скользит по мне взглядом, будто это я могла пострадать, а не он. На нем — ни царапинки. Только воротник рубашки перекосялся, и взгляд какой-то бешеный, как у быка перед корридой.

— Вы в порядке? — набрасываюсь с расспросами с порога. — Что произошло? И что успел вам наговорить Сема?

Авдеев молчит. Что-то взвешивает в мыслях. Принимает решение и, кивнув себе, вдруг заметно расслабляется:

— Собирайтесь, Дина Сергеевна. Сегодня вы здесь ночевать не будете.

— Это с чего вдруг? — спрашиваю возмущенно, скрепя руки на груди.

Решимость Авдеева пугает. Я смотрю через его плечо — мало ли, до чего они с Семеном договорились, но Мирон Витальевич лишь спокойно закрывает дверь и долго сверлит меня взглядом.

— Вы что-то ему пообещали? — мысли роятся хуже назойливых мух. И ни одной позитивной. Что если майор пообещал Семену увезти меня, чтобы тот окончательно вынес все из квартиры. Хотя здесь уже сложно что-либо забирать. У меня и так все выглядит жутко. Будто после потопа и гра-

бежа, причем одновременного.

— Не уверен, что приличным женщинам стоит знать содержание, — хмыкает Авдеев и, сняв туфли, проходит в комнату. — Вы не подумайте, Дина Сергеевна, ничего, порочащего вашу честь и достоинство, не было, — хмурый взгляд стекает по моим ногам и медленно поднимается к лицу. — Психологический портрет вашего, — Мирон Витальевич выдерживает паузу, подбирая слова, — супруга оставляет желать лучшего. Вероятнее всего, он вернется, стоит мне уехать. Не удивлюсь, если он будет караулить где-то в кустах. Мое предложение — всего лишь мера предосторожности.

Скрепя сердце приходится признать, что Мирон Витальевич прав. Сема он... такой. Как говорит моя мама, мелочный и жадный.

— Предлагаете мне снимать гостиницу в разгар сезона, потому что вы решили погеройствовать? — о том, что придется отдать за одну ночь половину зарплаты, я уж молчу.

Можно, конечно, позвонить Жанне и напроситься переночевать, но они семьей, как и большая часть местных, живут за городом во время сезона, а свою квартиру сдают отдыхающим. Мама у меня живет в Лазаревском, и тратит немислимую сумму на такси, чтобы утром тащиться на Ласточке к родительскому собранию — так себе идея. Я только родного человека всполошу и не выплусь, а проблема останется висеть дамокловым мечом. Не найдет меня почти бывший муж сегодня, обязательно явится завтра. Чем ближе развод, тем

агрессивнее становится Семен, а с его возможностями найти меня ему не составит труда.

Авдеев хмурится. Смотрит на меня, потом на стены и снова возвращает взгляд ко мне. Такие у него пронзительные голубые глаза, как будто сканируют.

Кусаю щеку изнутри, испытывая перед Мироном Витальевичем чувство вины. Зря я все-таки ляпнула про его геройство. Он по-мужски помочь хотел, а я, как вечно недовольная тетка, разворчалась вместо того, чтобы просто сказать спасибо и выпроводить уже всех из квартиры.

— Можете остаться у нас с Яной, — невозмутимо заявляет Авдеев и останавливается рядом со мной. В тесном коридоре от могучих плеч МIRONA Витальевича меня отделяют считанные сантиметры. Даже воздух в квартире меняется, насыщаясь табаком, терпкостью и тестостероном.

— Исключено! — слишком звонко озвучиваю протест.

— Почему? У меня большой дом, на первом этаже есть гостевая спальня с отдельным санузлом, вам не о чем беспокоиться.

— Думаю, вам лучше уехать, МIRON Витальевич, — произношу, набравшись храбрости, которую источает мужчина напротив. — Я сама справлюсь со своими проблемами.

Авдеев качает головой и бросает взгляд в сторону кухни, где на столе его дожидается остывший ужин.

— Ладно, тогда мы останемся у вас, — он улыбается, довольный своей гениальной идеей. Нет, он даже сияет от вос-

торга! — Есть лишнее одеяло и подушка?

Глава 5. Вино, кино, домино

Недовольно пыхча и бормоча что-то себе под нос, Дина Сергеевна все же закрывает дверь квартиры на замок и, вручив мне сумку со своими вещами, следует прямым ходом за мной и Яной к лифту.

Яныч спит у меня на руках, она взбодрилась ровно на пять минут, когда Дина начала собираться, а потом, увидев меня, отключилась после непродолжительных обнимашек.

На улицу мы выходим молча, я слышу напряженное дыхание училки. Она все это время старается на меня не смотреть — с подозрением обводит взглядом живую изгородь возле подъезда, будто кто-то может спонтанно появиться из кустов. Запугал я ее хорошо, а вот зачем — сам себе объяснить не могу.

Ничего бы страшного и не случилось. Нужно быть наглухо ебанутым, чтобы после моих угроз снова заявиться к Евсеевой, а Семен при всех своих отрицательных качествах на подобный экземпляр не похож. Слишком он мелкая сошка, чтобы выходить на конфликт. Это для обывателей звание капитана полиции значит много, а когда оказываешься в системе, быстро понимаешь, что у лейтенанта управлением выше гораздо больше полномочий и сил.

Дина Сергеевна продолжает слишком громко думать, но из ее прелестного рта не вылетает ни одного слова ни когда я от-

крываю для нее переднюю пассажирскую дверцу, ни когда нарушаю скоростной режим, надеясь добраться до дома как можно скорее, ни когда мы заезжаем во двор, и я замечаю слишком явный интерес и неприкрытое восхищение домом от «помехи справа».

— Дайте мне пять минут, — прошу, открывая входную дверь и пропуская упрямую училку вперед. — Я уложу Яну в кровать и покажу вам комнату. Там перекрыта вода, нужно проверить, — не оставляя ей шанса возразить, жестом указываю в сторону гостиной и щелкаю выключателем. — Располагайтесь и чувствуйте себя как дома.

Дина стреляет в меня недовольным взглядом но идет в огромную кухню-гостиную, пока мы с Янкой поднимаемся на второй этаж. Переодеваю дочь в пижаму и укладываю в кровать, целую в щеку и приглаживаю волосы. Семь лет как батя, а иногда до сих пор не могу поверить. Яна дрыхнет и почти сразу устраивается в кровати так, как ей удобно. Оставляю ночник на минимальном освещении и выхожу из комнаты.

Спускаясь по лестнице, расстегиваю две верхние пуговицы на рубашке, распускаю манжеты и подкатываю их до середины предплечья. Училку нахожу быстро — она стоит у панорамного окна, выходящего на внутренний двор, и всматривается в ночную темноту.

Кроме Ангелины, женщин в этом доме не было. Дом построили незадолго до нашего развода, и семейное гнездышко

быстро стало пристанищем одинокого холостяка. Лине осталась квартира рядом с центром, а мне — это место, которое ремонт в котором я заканчивал уже после развода.

— Утром вид из окна гораздо симпатичнее, — обозначаю свое присутствие Дине. Она снова стреляет в меня недовольным взглядом, но все-таки разворачивается.

Бессовестно задерживаюсь взглядом на потрясающей фигуре: тонкой талии и полных бедрах, упругой груди. Училка выглядит соблазнительно даже в тонком спортивном костюме. Все это умножается на тот факт, что она в моем доме. Я как дикий хищник, притащивший добычу в свое логово — радуюсь присутствию училки. Ей идет быть здесь.

— Надеюсь, вы не успели заскучать. Я не предложил чай, — подхожу ближе, ловлю шлейф цветочных духов, отмечая, что мне нравится. Мне вообще все нравится в строгой училке: внешность, голос, характер. Дина складывает руки на груди и бросает на меня скептический взгляд, от которого в штанах начинается легкая суета. — Кофе, — продолжаю перебирать, наконец заполучив толику внимания, — вино, кино, домино?

— Крепкий сон, кровать и отдельная комната, — отвечает в такт Дина. — То, что вы шантажом заманили меня к себе, не значит, что я вам чем-то обязана, — чеканит строго, не оставляя даже маленькой щелочки для лазейки. Здесь все закрыто и запрещено, Авдеев. Но тянет, хрен его разберешь почему.

— Разумеется, — соглашаюсь, сворачивая подкаты. Да уж. Может, погуглить, как теперь это делается? Я, похоже, совсем забылся, на меня даже чопорные училки не клюют. Что там нужно? Цветы, комплименты и широкие жесты? Тогда придется отложить все до завтрашнего дня, лишь бы к тому моменту слишком правильная училка не сбежала и не открестилась от моего внимания. — Пойдемте, я покажу вашу спальню.

— Все, малыш, води себя хорошо, — перешагнув порог родительского дома, присаживаюсь и опускаю Янку на пол. Она, как истинная женщина, серьезно на меня обижалась из-за того, что наш парк накрылся медным тазом, и мне пришлось ей пообещать, что мы обязательно все наверстаем первого и второго сентября, в которые я официально взял отгулы.

— Доброе утро, — мама появляется в коридоре и приветливо улыбается. Янка для нее — отдушина. Она всегда хотела девочку, но жизнь определила ей только двоих детей — меня и младшего брата, поэтому мама с трепетом воспринимает визиты Яны в ее дом.

— Привет, ма, — отвечаю дежурно. Мы обмениваемся поцелуями в щеку. — Если что, звони в любое время, я приеду.

— Мы вырастили двоих сорванцов, неужели ты все еще думаешь, что я не справлюсь с маленькой принцессой? — мама закатывает глаза. Это вторая самостоятельная ночев-

ка Яны у моих родителей, до этого либо оставляли ее на несколько часов, либо ночевали вдвоем. Прошлый раз Яна восприняла замечательно и сама просилась еще погостить у деда с бабулей. — Тем более у нас по плану поездка на море.

— Море? — глаза Яны загораются, и она радостно хлопает в ладоши. — Ура, море! Ой, — моментально осекается и смотрит на меня. — Я купальник не взяла.

— У меня тоже его нет, милая, поэтому сначала мы их купим. Идет?

— Мам, — вздыхаю, потому что так баловать ребенка еще нужно уметь. Даже я со своим отцовским стремлением дать дочери все лучшее нервно курю в сторонке.

— Правда? — снова улыбается Яна и осторожно переводит взгляд на меня. — Пап, можно? — смотрит по-лисий хитро, невинно прихлопывая ресницами. И я, как порядочный батя, плыву, не в силах противостоять собственной дочери. Потому что, в конце концов, для чего мы тогда вообще впахиваем сутками на работе, если на незначительные вещи говорим детям нет?

— Можно, — соглашаюсь, вздыхая.

Дочь счастливо бросается в мои объятия.

— Спасибо, папочка! — снова топит мое сердце Яна и добывает поцелуем в щеку.

— Мам, если что-то понадобится, звони. И если будут капризы. Я приеду сразу же, — произношу тихо, на что мама мягко возражает:

— Отдохни, сынок, ты выглядишь уставшим. А мы справимся.

И я впервые за несколько лет слушаю маму, потому что и правда не помню, когда во всей этой гонке просто отдыхал.

После недолгих прощаний мчу домой на всех порах, подогреваемый интересом, что же там делает Дина Сергеевна. Мозг начинает работать в другом направлении, я ненадолго отключаюсь от работы, от отцовства, от того, что надо сделать — просто плыву по течению, и оно сегодня несет меня только в приятном направлении.

До собрания еще целых полтора часа, при желании мы успеем и кофе выпить, и наладить мосты, которые вчера так и зависли на этапе проектирования. Паркуюсь за воротами и сразу же спешу в дом.

Дина сидит в гостиной, склонившись над ежедневником, в который что-то активно записывает. Она уже при параде: в летнем платье свободного кроя — белом с цветочным принтом — и с собранными в идеально гладкий пучок волосами. Ни дать ни взять училка. Сумка с вещами стоит на полу рядом со спинкой дивана. Собиралась сбежать, не попрощавшись? Так дело не пойдет.

— Доброе утро, — обозначаю свое присутствие. Дина Сергеевна тут же выпрямляется и поворачивает голову в мою сторону.

— Здравствуйте, Мирон Витальевич, — сухой тон и ничего лишнего. Собственно, мог ли я рассчитывать на что-то

большее, хитростью заманив училку в свои сети? Едва ли. Такое работает только с отчаянными, а отчаявшиеся женщины никогда не были в моем вкусе. — Дайте мне десять минут, и я уеду. Нужно закончить, — она возвращается к своим записям и отключается, словно меня не существует.

— Нам ведь в одну сторону. Не торопитесь, — обвожу взглядом большую кухню-гостиную. На столе так и стоит нетронутая тарелка с толстыми блинчиками, которые мы с Яной жарили с утра пораньше. Непорядок. Я ведь и записку оставил, но, видимо, училка мне попалась слишком уж гордая. Такую только завоевывать. — Вы будете чай или кофе?

— Ничего, спасибо, — отзывается резко и захлопывает ежедневник, пряча его в сумку. Встает, поправляя платье. Я бессовестно скольжу взглядом по аппетитной фигуре. Красивая она, в таких платьях надо на свидания ходить, а не родительские собрания проводить. — Я поеду, закончу все в школе. Благодарю за гостеприимство, — Дина сдержанно кивает и, подхватив сумку, спешит к выходу. Мда уж, не на такое утро я рассчитывал. — Всего доброго, — она торопливо обувается и выходит на улицу, не дожидаясь от меня ответа.

Выругавшись себе под нос, спешу за ней. Схватив ключи с подставки, замыкаю входную дверь и нагоняю строптивую училку уже у ворот. Снимаю сигнализацию с машины. Действую быстро, словно провожу операцию по захвату очаровательной заложницы. Опустив ладонь на поясницу, подталкиваю Дину в сторону машины.

— Что вы себе позволяете? — шипит она недовольно, но я успеваю поймать на ее щеках вспыхнувший румянец.

От меня никто так быстро не убегал. Что за стремление у этой женщины оказаться как можно дальше от меня? Я ведь ничего плохого не делаю: всего лишь зову на свидание и совсем немного пользуюсь положением.

— Отвезу вас. Садитесь, — открываю переднюю дверцу с пассажирской стороны и почти заталкиваю Дину в салон, не оставляя возможности выбрать альтернативный маршрут.

Глава 6. Непостоянная женщина

Когда изменяешь своей кровати, главное на утро проснуться с головной болью или с ноющей спиной, чтобы стремление оставаться ночевать с малознакомым мужчиной больше никогда не посещало. Но утром я чувствовала себя настолько прекрасно, что почти простила Авдееву тот факт, что он шантажом заманил меня к себе домой. Потом мы зашли на новый виток эмоциональных качелей: только я решила сменить гнев на милость, как обнаружилось, что в огромном доме я одна, а встречает меня только записка с добрым утром и указанием на тарелку с завтраком.

В общем, до самого появления хозяина роскошной виллы меня мотало от недовольства до плохо скрываемого восхищения. Перманентно зудело в затылке от того, что Мирон Витальевич закрыл меня в собственном доме, потому что кроме как ключом калитку не открыть. Можно было, конечно, выйти через ворота, но оставлять хоромы без присмотра мне стало совестно, а звонить и интересоваться, где носит взрослого мужчину, я не решилась. Это больше подходит ревнивым спутницам, к числу которых я не относилась.

Эмоциональный раздрай усилился в машине — я откровенно не знала, куда себя деть и о чем нам говорить. Все темы для обсуждений я старательно переписала в ежедневник и готовилась озвучить их на всех родителей будущих перво-

классников. А любые личные вопросы Мирон Витальевич мог воспринять как интерес или флирт, поэтому я кусала щеку изнутри и демонстративно смотрела в окно всю дорогу, злясь на то, что этот неугомонный мужчина испортил мне пятничный вечер и медитативное домашнее утро.

Словно чувствуя мою злость, Авдеев ретировался, как только довез меня до школы. Я уже даже приготовилась отбиваться от его желания причинить добро и проводить меня до двери кабинета на радость вахтерше и коллегам, любящим сплетничать и обсуждать причуды родителей. Но, бросив сухое «до скорой встречи», Мирон Витальевич уехал, как только я вышла из машины. Даже обидно как-то. Непостоянная я женщина: то возмущаюсь, что он мне знаки внимания оказывает, то бешусь, что перестает это делать.

В родном кабинете получается успокоиться. Я пишу на доске основную информацию, которую все точно переспросят еще не раз и которую я обязательно продублирую в чате, потому что родители в массе своей не сильно отличаются от детей, когда дело доходит до важных записей.

Еще раз прогоняю в голове речь, не понимая, зачем делаю это перед каждым собранием, если в итоге все равно все идет не по плану, потому что родители задают вопросы и начинают уводить разговор в другую сторону.

Достаю из шкафа экземпляры учебников и рабочих тетрадей, которые еще не получили родители, потому что на подготовку приходят не все, как бы мне ни хотелось брать детей

даже бесплатно, чтобы подготовить их к школе. Потому что потом им сложнее адаптироваться.

— Дина Сергеевна, вы тут? — слышу знакомый голос, а затем вижу и фигуру майора, уверенно шагающего в кабинет. Он закрывает за собой дверь и, широко улыбнувшись, по-хозяйски идет к моему столу, оставляя на нем гофрированную подставку с двумя стаканчиками и крафтовый пакет с логотипом кондитерской неподалеку от школы.

— До собрания еще полчаса. Что вы здесь делаете? — хмурюсь и, оставив учебники на последней парте, не спешу подходить ближе.

— Принес вам завтрак, раз вы отказались от моей стряпни, — невозмутимо отзывается Авдеев, словно не делает чего-то из ряда вон. — Так все-таки чай или кофе? Учтите, отказы больше не принимаются.

— Чай, — соглашаюсь миролюбиво. — Но вы зря потратились, я не ем сладкое на завтрак, — хотя в моем случае лучше бы подошло «я не ем сладкое вообще», но на пороге тридцатилетия я научилась не врать себе.

— Я предполагал подобный вариант развития событий и взял сэндвич с курицей, — с видом победителя заявляет Авдеев, и мне приходится признать, что он прекрасно подготовился. — Против курицы на завтрак вы ничего не имеете?

Поджимаю губы, пряча улыбку. Майор выразительно выгибает бровь, дожидаясь ответа.

— Не имею, — отзываюсь тихо и медленно иду к сво-

ему столу, ощущая себя добычей, добровольно сдающейся хищнику. Это вообще нормально, что я думаю о подобном? Мирон Витальевич симпатичный мужчина: темные волосы, легкая седина на висках и пронзительные голубые глаза. Я уже представляю, что будет на родительском собрании, куда преимущественно приходят мамы учеников. Авдеева можно ставить рядом со мной возле учительского стола, тогда будет хотя бы призрачная надежда, что меня услышат.

— Тогда садитесь, — он отодвигает для меня стул и жестом приглашает сесть, нарочно оставляя мизерное расстояние между своей внушительной фигурой и столом.

Протискиваюсь каким-то чудом, избегая прикосновения и не без удовольствия отмечая легкий парфюм с нотами лемонграсса и соленого моря. Вроде ничего необычного, вполне стандартный для мужских ароматов шлейф, но когда к нему добавляется подтянутое тело, облаченное в брюки и рубашку, итоговое впечатление оказывается неизгладимым.

— Вы ведь не собираетесь составить мне компанию? — спрашиваю резче, чем планировала, ощущая легкую панику. Некоторые родители имеют обыкновение приходить сильно раньше оговоренного времени. И я не хочу, чтобы мои совершенно неделовые отношения стали предметом обсуждений. — Не поймите меня неправильно...

— Все предельно ясно, Дина Сергевна, — с усмешкой отзывается Авдеев и ставит передо мной стаканчик с чаем. — Я оставлю вас в одиночестве, если вы мне пообещаете кое-

что.

— Кое-что? — переспрашиваю, потому что Мирон Витальевич, меня, кажется, активно клеит. Что за неугомонный мужчина? Я уже и так и эдак пытаюсь отвертеться, но, по ощущениям, только сильнее вязну в ловко расставленных силках. — Вы меня немного пугаете.

— И в мыслях не было, — мягко возражает майор. — Я всего лишь планировал взять с вас обещание поужинать со мной сегодня вечером.

— Вы опять за свое? — вздыхаю устало. Ну как ему объяснить, что я не заинтересована, даже если передо мной прекрасный образец мужской половины человечества.

— Я не уйду без вашего согласия.

— Хорошо, — сдаюсь. — Я схожу с вами на ужин, но учтите — никаких романтических подтекстов.

— Согласен, никаких подтекстов, — слишком быстро отзывается Авдеев. — Буду говорить прямо.

Не дожидаясь очередной моей колкой реплики, Мирон Витальевич выходит из кабинета, по пути доставая из кармана телефон и совершая вызов. Я же провожаю его широкую спину и, уняв не к месту нахлынувшее волнение, быстро съезжаю завтрак.

А дальше... не успеваю опомниться, потому что круговорот родительских вопросов затягивает с головой. В итоге мы задерживаемся на собрании на час дольше, чем я планировала. Родители обсуждают поход в парк, который планируют

организовать в День знаний после торжественной линейки и классного часа. Я мягко отрешиваюсь от этого мероприятия, прикрываясь подготовкой к урокам и рабочим временем.

Щеки мои на протяжении двух часов не перестают гореть. Я не могу объяснить себе, в чем именно дело, но каждый раз, когда я смотрю на последнюю парту в среднем ряду, замечаю взгляд Авдеева. Он не прищуривается, не улыбается мне и даже не выгибает брови в неподражаемо-выразительной манере. Просто смотрит, прямо, открыто, так же, как остальные родители, но именно на него мой организм реагирует странным образом.

Пужинать сегодня вечером. Это почти свидание, как бы мне ни хотелось убеждать себя в обратном!

Эта мысль увлекает меня настолько сильно, что я на автомате отвечаю на вопросы родителей. Они почти всегда стандартные: а что, если мы не будем успевать идти по программе? Вкусные ли обеды в столовой или лучше давать ребенку еду с собой? Нужны ли будут какие-то еще учебники и тетради? Беру ли я репетиторство? Стоит ли чем-то помочь в классе перед началом учебного года?

В итоге мы прощаемся до первого сентября, всю важную информацию я обещаю продублировать в чат и прошу родителей сохранять спокойствие и в оставшиеся дни дать детям возможность вкусить радость последних дней каникул.

Выдохшись, опускаюсь на свой стул и еще раз пробегаю по

списку, пока родители стремительно покидают кабинет. Отсутствовал на собрании Белов, который с недавнего времени остался вдовцом и один воспитывает сына. Он работает в пожарной части, график у него такой же ненормированный, как у Авдеева, поэтому отсутствию я ни капли не удивилась.

Кстати, о нем. Мирон Витальевич, кажется, не собирается уходить. Так и сидит за партой, будто ему там медом намазано, и игнорирует взгляды мамочек, как фоновый шум.

— Тебя подвезти? — спрашивает Авдеев, когда мы остаемся вдвоем, и я не сразу понимаю, что вопрос адресован мне. Во-первых, на «ты» мы пока не переходили, а во-вторых, интонация настолько интимная, будто он мне прогулку до оргазма предлагает, а не просто доставку моей тушки по домашнему адресу.

— Нет, у меня еще есть дела здесь, — качнув головой, снова утыкаюсь в журнал и на маленьком квадратном листочке пишу себе напоминание — позвонить Белову. С родителями нужно оставаться в контакте в любом случае.

— Тогда до вечера, — Мирон Витальевич поднимается с места. — Будь готова к семи.

— О, Дина, ты еще здесь, слава Богу, — в кабинет заглядывает Жанна, моя коллега и близкая подруга, с которой нас свел первый курс педагогического. Она давно и глубоко замужем, воспитывает сына и ждет мужа со службы. Мы разминулись на три года декретного отпуска, и у Жанны сей-

час второклашки, уже освоившиеся в школьной жизни. — Сто лет не виделись, хотя работаем в соседних кабинетах, — она всплескивает руками и улыбается. Жанна всегда на позитиве, но это, кажется, профдеформация жен военных — им нельзя унывать.

— Ох, да. Может, завтра? Могу приехать к вам в гости, — улыбнувшись, я саму себя корю. Потому что с чего вдруг не сегодня, а, Дина Сергеевна? Не собираюсь ведь я идти на свидание с этим наглецом-майором. Или... собираюсь? Вряд ли он в конце свидания попросит меня отдаться за тарелку салата или попросит поделить счет пополам. Не похож Авдеев на мужчин этой категории.

Но я ведь не планирую никаких свиданий! И я прямо об этом сказала — только ужин, и никакой романтики. Хотя, если проанализировать наш разговор, моим согласием никто и не озадачился, потому что альфа-самцам не отказывают. А Мирон определенно причисляет себя к категории мужчин, которые никогда не услышат от женщины слово нет. Он пышет тестостероном и непоколебимой уверенностью — таким обычно сдаются с первого взгляда. Но я не бедная овечка, ищущая билет в лучшую жизнь. У меня все хорошо, мне бы только развод получить, и все. Но это уже Авдеева не касается. Его вообще ничто из моей жизни не должно касаться. Он — отец моей ученицы, и это максимум возможных между нами взаимоотношений.

Да и, если честно, лучше расставить все точки над «ё» сра-

зу же, чем загадочно не прийти и вынудить майора караулить меня во дворе или искать по всему городу. Почему-то я уверена, что с его возможностями найти меня не составит труда. А поиск беглянки — это ведь прямая отсылка к романтике, в конце которой доблестного героя должен ждать поцелуй. Интересно, он целуется агрессивно и с напором или страстно, но нежно?

Нет, Дина, ты не будешь сейчас думать о том, как целуется Авдеев. Ты вообще о таком не будешь думать! Никогда.

— А сегодня? — хитро прищуривается Жанна. — Я оставлю Гришу у мамы, и мы можем сходить в караоке, — обычно уверенная в себе Жанна смотрит на меня робко и без конца отводит взгляд, словно хочет чем-то поделиться, но не решается.

И да, иногда нам тяжело признаваться в том, что гложет: не та обстановка, неправильные обстоятельства или просто не хватает сил.

— У тебя что-то случилось? — спрашиваю тихо. Жанна кивает и поджимает губы. Ее глаза увлажняются, и она часто моргает, отгоняя слезы.

— Мне Сережа изменил, — говорит почти неразборчиво и прижимает ладонь ко рту. — Вчера вечером мне звонила его «командировочная жена» и сказала, что они уже год вместе и у них будет ребенок. Она на пятом месяце, Дин, — Жанна всхлипывает, и я только сейчас замечаю, что она

действительно на грани. Припухшие веки, опущенные плечи и общая серость на лице.

Поднявшись со своего места, я обнимаю подругу и глажу по спине и плечам. Жанна вздрагивает и, уткнувшись мне в плечо, плачет.

— Ну тише, тише, — обнимаю крепче. Не знаю, что переживает женщина после такого предательства. Я бы совершенно точно была в шоке. — Надо было позвонить сразу же, как узнала.

— Мне хотелось прореветься, — Жанна отстраняется первой, смахивает слезы со щек и качает головой. — Козлина такой. Сволочь. Я у него все отсужу, — подруга обхватывает себя за плечи и натянуто улыбается, словно ничего не произошло. А я злюсь, потому что нам, женщинам, всегда приходится маскировать собственное несчастье, ведь мы должны сиять и радоваться круглые сутки. — Дин, так что насчет сегодня?

— Конечно да, — несильно сжимаю ее плечо. — Могу забронировать. Вдвоем пойдем или позовем кого-то еще?

— Позовем. Я напишу в наш общий чат. Заодно развеемся перед началом учебного года.

Мы еще недолго болтаем с Жанной обо всем и ни о чем, обходя тему мужа. Ну почему они все такие дураки? Чего им не хватает в жизни, что они идут налево? Моральных ориентиров? Силы духа? Мозгов? Ай, неважно. Все равно сделанного не отменить.

Зато можно отменить одно спорное свидание. Сняв блокировку с телефона, я долго гипнотизирую контакт Авдева. Позвонить или написать? Воспитание требует нажать на трубку и четко уверенно все объяснить. Но интуиция убеждает выбрать более безопасный путь, в котором психика останется целой.

Быстро набрав сообщение, нажимаю отправить, чтобы не передумать. Да что там передумать — я даже не оставляю себе шанс перечитать, чтобы не выбрать обтекаемые и мягкие формулировки, которые я использую в общении с родителями. Майор — психологически устойчивый мужчина, справится с моей прямолинейностью.

Глава 7. Предварительная карма

«Забыла о планах на вечер. Ужинайте без меня».

Я перечитываю сообщение в третий раз, пытаюсь найти там что-то еще, кроме восьми слов. Нет, я не жду извинений, но хотя бы какое-то сожаление, намек, что можно действовать дальше, или банальный смайлик в конце, который немного бы сгладил ситуацию. Вот только Дина Сергевна на проверку оказывается той еще бездушной стервой. И от этого факта у меня стоит.

Удивительное дело. Я обычно бегу от стервозных женщин. В числе их несомненных плюсов честность и прямолинейность, но одновременно с тем эти качества являются и главными минусами. Потому что стерва не станет смягчать правду, не будет искать удобные слова, чтобы выразить просьбу, и уж точно не станет довольствоваться малым. К стервам прилагается багаж из безжалостности, гордости и стремящейся проткнуть небо самооценки.

У сладкой училки гордость и самооценка имеются, но все в пределах нормы. А безжалостность — это антипод всем качествам, которые есть у учителей. Я ведь не мог ошибиться? Или мозг решил меня обезопасить и снизил в моем восприятии количество потенциальных триггеров?

Нет.

Стерва бы не стала печь с моей дочерью шарлотку и уж

тем более кормить меня посреди ночи. Она бы выставила нас с Яной за дверь в первую же секунду и все-таки прислала бы прайс, по которому я бы с ней не рассчитался до конца следующей жизни. А значит, Евсеева, как типичная женщина, решила сыграть в горячо-холодно. И сейчас мы не в горячей стадии, а в той, где она меня игнорирует, а я не перестаю добиваться.

Вот только надо ли мне это все? Есть ведь более сговорчивые и доступные варианты, да и я не сопливый пиздюк, чтобы бегать за понравившейся девочкой и молча хавать все ее закидоны.

И этот самый вариант, словно почувствовав, звонит мне. За пару секунд в голове проносятся мысли о том, как может пройти остаток дня. Я приеду в квартиру, где на большой кровати будет заправлено свежее постельное белье. Мы займемся сексом, покурим. Возможно, выпьем кофе. А после пойдем на второй заход. Все будет стандартно, как по протоколу. И... пресно. До ужаса пресно и скучно. Потому что сминать я буду не пухлые губы, сжимать — не упругие булочки, а слух будут ласкать не стоны чопорной училки, которую я раскрепощу.

Сбрасываю вызов. Пишу короткое сообщение. «Занят».

Усмешка расплзается по лицу. Сообщение Евсеевой было предварительной кармой, и теперь баланс вселенной соблюден. А просыпающийся в отношении Дины сексуальный голод убеждает меня в том, что эта история явно затянется.

И я испытываю внезапную радость, ошарашенный этим фактом.

Ладно. Хочет отдыхать сегодня без меня — пусть.

Переодевшись в шорты и майку, еду к своим. Янка радуется, мама только качает головой, а батя приглашает сыграть партию в шахматы.

Время до вечера пролетает незаметно, и в начале девятого у меня словно срабатывает тумблер. Я начинаю думать о Дине Сергевне. Где она? С кем? Что делает? Я не стал допытывать ее расспросами, оставил без ответа сообщение, да и вряд ли получил бы что-то внятное, учитывая весь наш анамнез. Поэтому приходится выводить из спящего режима рабочие программы и заниматься бытовым расследованием.

Спустя пятнадцать минут у меня есть аккаунт ее подружки и скриншот опубликованной сторис. Четыре бокала с коктейлями, микрофоны и неоновая вывеска караоке-бара «Камертон» на заднем плане. Следующая фотография — все мушкетеры во главе с Д'Артаньяном сверкают улыбками и смотрят прямо в камеру. Тоже сохраняю, мысленно убеждая себя, что все это для дела. Для какого — понятия не имею.

— Мироша, ты опять меня не слышишь, — мама показывается на пороге спальни на первом этаже, где я еще десять минут назад планировал остаться ночевать. Дома все равно пусто, а торчать в одиночестве просто потому, что я могу, совершенно не хочется. — Ужин готов.

— Прости, мам, задумался, — отрываюсь от экрана теле-

фона и смотрю на мать. Она за последние пару лет сильно постарела, но ни капли не сдала в физическом плане. Все такая же энергичная и веселая. — Ужин? Да, наверное. Сейчас только позвоню и приду.

«Камертон» — приличное заведение, и так уж сложилось, что я лично знаком с хозяином. Зачем я собираюсь звонить Араику — еще один риторический вопрос. Но не потому, что он не требует ответа, а потому что ответов у меня нет.

— Не задерживайся тут, — мама тихо выходит, прикрывая за собой дверь.

Отхожу к окну и набираю номер телефона. Я просто попрошу его приглядеть за их столиком и не подпускать всяких дебилов, желающих познакомиться и спеть на брудершafft.

— Араик, привет, — говорю, когда гудки сменяются «Алло» с явным акцентом. За годы жизни в Сочи среди русскоговорящих владелец караоке-бара так и не потерял свою речевую изюминку. — Это Мирон Авдеев. Есть минутка?

— Обижаешь, брат. Для такого человека найдутся все пять, — с армянской экспрессией заявляет Араик, прекрасно понимая, что просто так майор ФСБ звонить не станет. И от этого моя просьба будет казаться еще абсурднее. Но я не могу даже мысли допустить о том, что к моей училке будет подбивать клинья какой-то бухарик, решивший, что он новый Лепс. — Что я могу для тебя сделать, дорогой? Организовать стол? Шашлык, вино, чача — скажи, и все будет готово к твоему приезду.

Тру переносицу. Может, нахрен это все? Она ведь мне не жена и даже не подружка. Я и прав никаких пока еще не имею, зато взвалил горку обязанностей и уже радостно их тащу.

А хотел бы ты, майор, своей дочери такого хахаля, который бы без личной выгоды палец о палец не ударил?

Пример с дочерью всегда показателен и работает безотказно.

Скриплю зубами. Мало того, что я пока в принципе не готов слушать о возможных Янкиных ухажерах, так еще и подобного экземпляра бы на пушечный выстрел не подпустил. Ну что за мужик это такой, если он готов напрягаться только ради приглашения в трусы, а в остальных случаях пускать ситуацию на самотек? Нет уж, имеешь виды на женщину — будь добр брать ответственность за нее в любых обстоятельствах. И помогать, потому что мужчина, а не создание мужского пола, которому по ошибке прикрепили яйца.

Да и Араик уже висит в ожидании. Он, наверное, посидел за то время, пока я думал.

— Нужна небольшая помощь, — произношу медленно, но твердо. — У тебя в караоке отдыхают четыре девушки. Проследи, чтобы их отдыху никто не мешал.

Повторять, что именно нужно сделать, не требуется. Мои неоднозначные формулировки бизнесмен считает предельно четко.

— Четыре, говоришь? — слышу шаги в трубке, затем от-

крывается дверь. Щелчки по клавишам — наверняка он проверяет камеры. — Две блондинки, брюнетка и рыжая?

— Так точно, — подтверждаю, припоминая лица с фотографии.

— Они еще здесь, Мирон-джан, вот только просьбу исполнить уже не смогу, — Араик тяжело сглатывает. Я напрягаюсь, смотрю в окно, видя только свое отражение из-за темноты — те самые Южные ночи, черней которых нет ничего.

— Почему?

— К ним только что подсели трое мужчин. И девушки, кажется, не против компании.

Ну твою же за ногу!

— Понял. Вопросов больше не имею. Спасибо.

— Всегда пожалуйста, Мирон. Если надумаешь заглянуть, свободный стол найдем.

Мы прощаемся быстро. Я убираю телефон в карман, борясь с желанием просто позвонить Евсеевой. Она ведь ясно дала понять, что сегодня занята, и мой вызов попросту сбросит или проигнорирует. Сообщение тоже не подойдет — на него можно не отвечать, особенно когда рядом окажутся более заинтересованные и активные кадры.

Единственное решение, которое приходит в голову, невероятно бесит. Как и тот факт, что я быстро его принимаю. Оно кажется самым правильным. И одновременно фатальным, особенно если Дина Сергевна пошлет меня куда подальше.

А она пошлет, как пить дать. Я бы самого себя послал. Но Цезарь тоже не сразу стал салатом, поэтому отступать и оставлять училку без внимания я не стану. В конце концов, я первым ее увидел, и никакие горлопаны не посмеют опередить меня в гонке за расположение упрямой Евсеевой.

Поэтому, проверив содержимое карманов, я выхожу из комнаты. На диване в гостиной дрыхнет вымотанная морем и прогулкой по парку Янка. Рядом с ней сидит батя и смотрит телек, а мама расставляет тарелки по столу.

— Нужно отъехать, — говорю тихо, подходя к матери. Зная особенности моей службы, они никогда не задают вопросов, зачем, почему и куда я еду. Тут, конечно, без батиного опыта не обходится — он еще во время своей службы приучил маму избегать риторических вопросов. А в случае с ФСБ почти все вопросы попадают в разряд таковых.

— А ужин? Может, с собой возьмешь? Я быстро в контейнер сложу.

— Мам, не надо. Я так перехвачу, — стащив одну отбивную с общей тарелки, обнимаю мать на прощание и машу рукой отцу. — До завтра.

Я схожу с ума — это точно. Не удивлюсь, если на комиссии, которая ждет меня через месяц, я не пройду психиатра и психолога. Потому что случай у меня мало того, что клинический, он еще и в крайней стадии запущенности.

Но все размышления меркнут на фоне того факта, что прямо сейчас какой-то сморчок-неудачник клеится к Дине.

Поэтому я запрыгиваю в машину и, выехав на дорогу, давлю на газ изо всех сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.